

Виктор
ГЮГО

ОТВЕРЖЕННЫЕ

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Г 99

Сокращенный перевод с французского под редакцией
Э. О. Выгодской

Серийное оформление Е. Савченко

- © Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2012
Издательство АЗБУКА®
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-06787-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

До тех пор пока общественные законы и нравы будут допускать лишение человека его прав, создавать для него ад на земле и роковым образом осложнять его судьбу; до тех пор пока не будут разрешены три основные проблемы века: вопрос об угнетении человека, ставшего пролетарием, вопрос о падении женщины из-за голода и гибели ребенка, лишившегося крова; пока во многих странах еще будет возможен тяжкий социальный гнет — иными словами, пока не исчезнут на земле невежество и нищета, — до тех пор книги вроде этой будут нужны.

Отвиль — Гауз, 1862
Виктор Гюго

Часть 1
ФАНТИНА

Книга первая

ПРАВЕДНИК

1. МИРИЕЛЬ

В 1815 году епископом в городе Дине был Шарль-Франсуа Бьенвеню Мириель. Это был старик лет семидесяти пяти; он занимал местную епископскую кафедру с 1806 года.

Монсеньор Мириель был сыном советника судебной палаты в городе Эксе и по рождению принадлежал к чиновной аристократии. Рассказывали, что отец его, желая обеспечить за сыном свою должность, женил его очень рано, лет двадцати, как то водилось во многих семьях крупных чиновников. Шарль Мириель, несмотря на раннюю женитьбу, заставил много говорить о себе. Он был красив, хоть и мал ростом, изящен, любезен, остроумен и всю первую половину жизни посвятил свету и любовным приключениям.

Наступила революция. События быстро сменяли друг друга. Многие чиновные семьи были разорены, изгнаны из Франции и рассеялись по свету. С первых же дней революции Шарль Мириель эмигрировал в Италию. Жена его умерла от чахотки, которой давно страдала. Детей у них не было. Что произошло потом в жизни Мириеля и вызвало перемену в его судьбе? Крушение старой французской аристократии, гибель его собственной семьи, трагические ли происшествия девяносто третьего года, казавшиеся, быть может, издали гораздо ужаснее, — что натолкнуло его на мысль об отречении от мира? Или, быть может, во время его бурной жизни его постиг один из тех таинственных и ужасных ударов судьбы, которые иногда переворачивают сердце человека, не дрогнувшего при катастрофе политической, приведшей его к разорению? Никто не мог этого сказать; известно было только то, что из Италии он возвратился уже священником.

В 1804 году Мириель служил приходским священником в Бриньоле. Он был уже стар и жил в глубоком уединении.

Во время коронации Наполеона I одно незначительное приходское дело заставило Мириеля приехать в Париж. Он обратился к кардиналу Фешу с ходатайством за своих прихожан. Как-то раз, когда император посетил своего дядю, почтенный священник, дожидавшийся в приемной, попался на глаза его величеству. Наполеон, увидев, с каким любопытством рассматривает его старик, обернулся и резко спросил:

— Кто этот маленький старичок, который не сводит с меня глаз?

— Ваше величество, — отвечал Мириель, — вы смотрите на маленького старичка, а я смотрю на великого человека. Каждому из нас это может быть полезно.

Император в тот же вечер спросил у кардинала имя этого священника, а спустя немного времени Мириель узнал, что его назначили епископом в Динь.

Никто, впрочем, не может сказать, насколько достоверен рассказ о первой части жизни Мириеля: очень немногие знали его семейство до революции.

После своего приезда в Динь Мириель подвергся участи всякого вновь прибывшего в маленький город, где много болтливых языков и мало мыслящих голов; он подвергся этой участи, несмотря на то что был епископом, и даже, быть может, благодаря этому.

Но в конце концов предположения, связанные с его именем, остались только предположениями; никто ничего не знал достоверно.

Как бы то ни было, после девяти лет пребывания епископа в Дине все разговоры, занимавшие в первое время маленький город и маленьких людей, были прочно забыты. Никто не осмелился бы теперь даже вспомнить о них.

Мириель приехал в Динь в сопровождении своей незамужней сестры, мадемуазель Баттистины, которая была на десять лет моложе его.

У них была единственная служанка, мадам Маглуар, ровесница мадемуазель Баттистины. Мадам Маглуар, раньше бывшая просто служанкой священника, получила теперь двойное звание: горничной барышни и экономки его преосвященства.

Мадемуазель Баттистина была высокая, бледная, худая тихая женщина; она никогда не была красива, но вся ее жизнь, полная добрых дел, наложила на нее печать ясности

и чистоты, а под старость она приобрела то, что можно назвать красотой доброты. То, что в молодости было худощавостью, в позднем возрасте сделалось прозрачностью. Она была как бы соткана из тени, у нее словно вовсе не было тела; в этой хрупкой оболочке заключался какой-то свет; ее большие глаза всегда были опущены вниз.

Мадам Маглуар была маленькая старушка, беленькая, толстененькая, не сидевшая ни минуты на месте, вечно задыхавшаяся от постоянной беготни, а также вследствие мучившей ее астмы.

По приезде господин Мириель был водворен в своем дворце со всеми почестями, какие полагались ему согласно императорскому декрету, ставившему епископа на второе место после маршала. Мэр и председатель судебной палаты первые нанесли ему визит, к генералу же и префекту города первым поехал сам епископ.

Весь город стал ждать, как проявит себя епископ на новом месте.

2. ГОСПОДИН МИРИЕЛЬ СТАНОВИТСЯ МОНСЕНЬОРОМ БЬЕНВЕНЮ

Епископский дворец в Дине находился рядом с больницей.

Это был прекрасный, просторный каменный особняк, выстроенный в начале прошлого века доктором богословия парижского факультета, преосвященным Анри Пюже, аббатом Симорским, бывшим в 1712 году епископом города Диня. То было настоящее здание феодальной эпохи. Все в нем было грандиозно: и личные покои епископа, и приемная, и залы, и парадный двор, очень просторный, со сводчатыми галереями в старинном флорентийском стиле, и сады с великолепными деревьями.

Больница помещалась в небольшом одноэтажном низеньком здании с маленьким садом. Три дня спустя после своего приезда епископ посетил больницу. Осмотрев ее, он вызвал директора к себе.

— Господин директор, сколько у вас в настоящее время больных? — спросил он.

— Двадцать шесть, ваше преосвященство.

— По моему счету столько же, — сказал епископ.

— Кровати, — сказал директор, — стоят слишком близко одна к другой.

— Это я тоже заметил.

— Палаты — тесные комнатки, и в них плохая вентиляция.

— Это и мне также показалось!

— В саду мало места для гулянья выздоравливающих в солнечные дни.

— То же самое и я подумал.

— Во время эпидемий — в нынешнем году у нас был тиф, а два года тому назад горячка — больных иногда было человек до ста, и мы не знали, как их разместить.

— Это мне тоже приходило в голову!

— Что делать, ваше преосвященство, — отвечал директор, — приходится мириться!

Этот разговор происходил в парадной столовой епископского дворца.

Помолчав немного, епископ быстро повернулся к директору:

— Как вы думаете, сколько кроватей может поместиться в этой комнате?

— В столовой вашего преосвященства? — с изумлением воскликнул директор.

Епископ обвел взглядом залу, точно желая измерить ее на глаз.

— В ней легко можно установить двадцать кроватей, — сказал он как бы про себя, потом продолжал вслух: — Послушайте, господин директор. Здесь явно произошла ошибка: вы двадцать шесть человек помещаете в пяти-шести маленьких комнатках, нас же всего трое, а помещение у нас на шестьдесят человек. Здесь очевидное недоразумение: вы поселились в моем, а я в вашем доме. Отдайте мне мой дом и возьмите себе ваш.

На следующий день двадцать шесть больных бедняков были переведены во дворец епископа, а епископ перешел в больницу.

У епископа Мириеля не было своего состояния, его семья была разорена. Сестра его имела пожизненную ренту¹ в пятьсот франков, которой как раз хватало на ее расходы. Мири-

¹ Рента — годовой доход с капитала.

ель получал от государства, как епископ, оклад в пятнадцать тысяч франков. В тот день, когда епископ Мириель переехал в больницу, он раз навсегда распределил расходы этой суммы. Смету он составил своей рукой:

На выкуп из долговой тюрьмы отцов семейств.	1000 франков
Дополнительные оклады сельским учителям.	2000 франков
Хлебозапасным магазинам в департаменте Верхних Альп.	100 франков
Женской конгрегации ¹ Диня, Маноска и Систерона для бесплатного обучения девочек	1500 франков
и т. д. и т. д.	
Кроме того, бедным	6000 франков
Мои личные расходы	1000 франков

Так монсеньор распределил все 15 000 франков.

За все время своего пребывания на епископской кафедре в Дине преосвященный Мириель не изменил ни в чем этого распределения. Он называл его «смета расходов моего дома».

Это распределение было принято мадемуазель Баттистиной без возражений. Для этой святой девушки епископ был в одно и то же время и братом и духовным лицом. Она простодушно любила его и благоговела перед ним. Она повиновалась его слову и была согласна со всеми его действиями. Только одна служанка, мадам Маглуар, иногда немного ворчала. Как указано выше, епископ на свои расходы оставил только тысячу франков, которые вместе с пенсией мадемуазель Баттистины составляли полторы тысячи франков в год. На эти полторы тысячи жили все трое: обе старухи и старик.

И когда какой-нибудь сельский священник приезжал в Динь, епископ благодаря строгой экономии мадам Маглуар и разумной распорядительности мадемуазель Баттистины находил еще возможность принять его у себя.

Пробывши в Дине месяца три, епископ как-то раз заметил:

— А ведь я, правду сказать, очень стеснен в средствах!

¹ Конгрегация — объединение монашеских общин католической церкви.

— Еще бы! — воскликнула мадам Маглуар. — Ваше преосвященство не потребовали даже прибавки, которую департамент обязан вам выдавать на содержание городского экипажа и на разъезды по епархии. Прежние епископы всегда пользовались этим правом.

— А ведь вы правы, мадам Маглуар! — сказал епископ. И он подал заявление о прибавке.

Спустя немного времени генеральный совет, приняв во внимание требование епископа, постановил выдавать ему ежегодную сумму в три тысячи франков под следующей рубрикой: «Епископу на содержание экипажа, на почтовые расходы и на разъезды по епархии».

Мадам Маглуар обрадовалась прибавке.

— Слава богу! — сказала она мадемуазель Баттистине. — Его преосвященство начал с других, но потом вспомнил и о себе. Он уже отдал бедным все суммы, которые им полагались. Эти три тысячи останутся нам. Наконец-то!

В тот же вечер епископ подал сестре следующую записку:

Из суммы на экипаж и разъезды:

На мясной бульон для больных в больнице	1500 франков
Обществу призрения сирот в городе Эксе	250 франков
Обществу призрения сирот в Драгиньяне	250 франков
Воспитательному дому	500 франков
Сиротам	500 франков
<u>Итого</u>	<u>3000 франков</u>

Таков был бюджет епископа Мириеля.

Что касается случайных епископских доходов с церковных оглашений, разрешений, соборований, проповедей, освящения церквей или часовен, свадеб и т. д., то епископ брал с богатых с большим рвением, чтобы все полученное отдавать бедным.

Спустя немного времени к нему отовсюду начали стекаться денежные суммы для бедных. Как имущие, так и неимущие одинаково стучались в дверь епископа Мириеля. Одни приходили за милостыней, другие приносили ее. Менее чем через год епископ сделался казначеем всех благотворителей и кассиром всех нуждающихся.

Значительные суммы проходили через его руки, но ничто не могло повлиять на то, чтобы он изменил свой образ жизни.

Какое там! Так как всегда больше нищеты внизу, чем щедрости наверху, все раздавалось, так сказать, раньше, чем получалось; деньги поглощались, как вода, пролитая на сухую почву, сколько бы он ни получал, ему никогда не хватало. И он опять урезывал себя.

Согласно обычаю епископы в заголовках пастырских посланий и указах по епархии выставляли все свои имена, полученные при крещении. Местная беднота выбрала из этих имен то, которое, по ее мнению, больше всего подходило епископу, и называла его не иначе, как монсеньор Бьенвеню¹. Мы последуем их примеру и будем также называть его этим именем. Оно очень нравилось и ему самому. «Я люблю это имя, — говорил он. — Бьенвеню служит поправкой к монсеньору».

3. ДОБРОМУ ЕПИСКОПУ ТЯЖЕЛАЯ ЕПАРХИЯ

Епископ не отказался от своих пастырских разъездов, несмотря на то что все суммы, которые ему за это причитались, раздавал бедным. Диньская епархия представляла мало удобств для путешествий. В этой гористой местности почти не было дорог; в ней числилось тридцать два прихода, сорок один викариат и двести восемьдесят пять церквей без причта. объехать все это было нелегко. Епископ, однако, справлялся с этой обязанностью: в соседние места он ходил пешком, по равнине ездил в одноколке, по горам — верхом. С ним обыкновенно ездили обе старушки. Только в такие места, где дороги были чересчур плохи, он отправлялся один.

Во время пастырских объездов он был снисходителен и кроток, больше беседовал, чем проповедовал. Жителям одной местности он часто ставил в пример другую, соседнюю. В округах, где сурово обращались с бедными, он говорил: «Посмотрите на жителей Бриансона. Они разрешили беднякам, вдовам и сиротам косить луга на три дня раньше

¹ *Бьенвеню* на французском языке означает «желанный гость».

остальных. Они бесплатно строят им дома, когда старые разрушаются. За это Господь благословил их страну. В продолжение целого столетия там не было ни одного убийства».

В деревнях, алчных к наживе, он говорил: «Посмотрите на жителей Анбрена: когда отец семейства, сыновья которого служат в армии, а дочери живут в городе, захворает во время жатвы, все жители деревни: мужчины, женщины, дети — в воскресенье идут на поле бедняка, дожинают за него жатву и приносят ему в амбар зерно с его поля».

Семьям, ссорившимся из-за денег и наследства, он говорил: «Посмотрите на горцев Девольни. Это такие глухие места, где за пятьдесят лет и соловья не услышишь. Когда у них умирает отец семейства, сыновья уходят на заработки, а все имущество оставляют сестрам на приданое, чтобы они могли выйти замуж». В округах, где любили судиться и где крестьяне разорялись на гербовую бумагу, он говорил: «Посмотрите на добрых землепашцев долины Кейра! Их там три тысячи душ. Боже мой! Это словно маленькая республика. Там не знают ни судей, ни судебных приставов. Все делает мэр. Он распределяет налоги, оценивает по совести, бесплатно разбирает ссоры, делит наследство без вознаграждения, выносит приговоры без судебных издержек; и его слушаются потому, что он справедливый человек среди простых людей». В селениях, где не было школьных учителей, он опять ссылался на Кейра: «Знаете ли вы, как они поступают? — говорил он. — Так как маленькая деревушка в двенадцать или пятнадцать дворов не всегда имеет возможность содержать учителя, то они на весь околоток приглашают одного преподавателя, который и учит, переходя из деревни в деревню, оставаясь восемь дней в одной, десять в другой. Эти учителя ходят по ярмаркам. Там-то я их и видел. Их можно узнать по гусиным перьям, воткнутым в шляпу. Те, которые учат только читать, носят одно перо, те, которые учат читать и считать, — два; те, которые, кроме того, учат еще и латыни, — три пера. Эти последние — настоящие ученые. Великий позор быть безграмотным! Поступайте так, как жители Кейра!..»

Так поучал он их, требовательный и любящий, как отец. Когда не было подходящих примеров, он сам сочинял назидательные истории. В них было мало фраз и много образов, и потому речь его была убедительна и неотразима.

4. СЛОВО НЕ РАСХОДИТСЯ С ДЕЛОМ

Дома он разговаривал всегда приветливо и ласково. Он приноравливался к понятиям обеих старушек, с которыми жил. Смеялся же он всегда от души, как школьник.

Мадам Маглуар любила называть его «Отче великий». Как-то раз епископ, встав со своего кресла, прошел в библиотеку за книгой. Книга эта находилась на верхней полке. Будучи мал ростом, он не смог ее достать.

— Мадам Маглуар, — сказал он, — принесите мне стул. Великий отче слишком мал для этой полки.

При случае епископ любил пошутить, но за шуткой у него всегда скрывалась серьезная мысль. Однажды, во время поста, в День приехал молодой викарий¹ и произнес в соборе проповедь. Викарий был довольно красноречив. Темой проповеди была милостыня. Он уговаривал богатых помогать бедным, чтобы избежать ада, который изобразил в самых ужасных красках, и заслужить рай, блаженство которого он не менее ярко обрисовал. В числе слушателей находился один богатый купец, удалившийся от дел, по имени Жеборан. Он нажил на производстве сукна два миллиона франков. За всю свою жизнь Жеборан не подал ни разу милостыни бедным. Со времени проповеди все начали замечать, что каждое воскресенье он подает одно су² нищим старушкам у паперти собора. Их было шесть, и они делили эту подачку между собой. Увидев однажды, как он подает милостыню, епископ с улыбкой сказал сестре: «Посмотри, господин Жеборан покупает себе рай на одно су».

Однажды он произнес в соборе такую проповедь:

«Дорогие мои братья, добрые мои друзья! Во Франции миллион триста двадцать тысяч крестьянских домов с тремя отверстиями, миллион восьмьсот семнадцать тысяч домов с двумя отверстиями: дверь и окно, и, наконец, триста сорок шесть тысяч хижин с одним отверстием — дверью. Это происходит потому, что существует налог на окна и двери. Поместите в эти дома бедные семьи, старых женщин, малолетних детей — вы увидите, какие там будут болезни. Увы! Бог дал людям воздух, а закон берет за него деньги. В Изере,

¹ *Викарий* — один из заместителей епископа.

² *Су* — мелкая разменная монета, равная одной двадцатой франка.

в Варе, в двух альпийских департаментах, Нижнем и Верхнем, у крестьян нет даже тачек, удобрения они носят в поле на спине; вместо свечей они жгут смоляные факелы и фитили в смоляных плошках. Так водится на всем пространстве Верхнего Дофине. Они пекут хлеб раз в шесть месяцев и пекут его на сушеном коровьем помете. Зимой они разрубают этот хлеб и, перед тем как есть, мочат его целые сутки в воде. Сжальтесь, братья мои, посмотрите, сколько страданий вокруг вас!»

Уроженец Прованса, он быстро усвоил все местные словечки и выражения. Это очень нравилось народу и немало способствовало его влиянию на умы. В горных хижинах он был как у себя дома. Он умел говорить о самых возвышенных предметах на самом простом языке.

К тому же он обращался совершенно одинаково как со знатными людьми, так и с простым народом.

Он не осуждал никого, не приняв в соображение всех обстоятельств. «Надо прежде всего узнать дорогу, которой шел проступок», — говорил он.

Епископа Мириеля можно было во всякое время звать к изголовью больных или умирающих. Он сознавал, что это его главная обязанность и труд. Вдовам и сиротам не нужно было даже его звать: он сам являлся к ним. Он умел молча долгие часы просиживать возле мужа, схоронившего любимую жену, возле матери, потерявшей ребенка. Он знал, когда нужно молчать, когда говорить. Он не пытался усыпить горе забвением, но старался возвысить и облагородить его надеждой. Он старался утешить и успокоить человека, впавшего в отчаяние, и, силясь отвлечь его взор, направленный на могилу, указывал ему на звезду, сияющую в небесах.

5. МОНСЕНЬОР БЬЕНВЕНЮ СЛИШКОМ ПОДОЛГУ НОСИТ СВОИ ПОДРЯСНИКИ

В своей домашней жизни епископ Мириель руководился теми же идеями, что и в общественной. Добровольная бедность, в которой жил диньский преосвященный, представила бы поучительное и привлекательное зрелище, если взглянуть на нее поближе.

Как все старые люди и как большинство мыслителей, он спал мало. Его непродолжительный сон был крепок. Утром в продолжение часа он предавался размышлению, затем служил мессу в соборе или у себя дома. После мессы он завтракал молоком с ржаным хлебом. Потом он работал.

Епископ — человек занятой: он должен каждый день принимать секретаря епархии и почти каждый день — своих vikariev. На нем лежит контроль над духовными обществами, раздача привилегий, разбор духовных книг; он должен писать пастырские послания, просматривать проповеди, разбирать ссоры священников с мэрами, вести переписку духовную и административную — у него тысячи разных дел.

Свободное время от этих дел и своих служб он посвящал нуждающимся, больным и скорбящим; оставшееся время он посвящал работе: копал землю в саду, читал или писал. Все эти занятия он называл одним словом: «садовничать». «Ум человеческий — это сад», — говорил он.

Около полудня епископ в хорошую погоду отправлялся гулять пешком по городу или окрестностям, часто заходя в лачуги бедняков. Он ходил один, погруженный в свои мысли, опустив глаза, опираясь на высокую трость, в фиолетовой довольно теплой ватной рясе, фиолетовых же чулках, грубых башмаках и в плоской треугольной шляпе с золотыми кистями.

Его появление было для всех праздником. Дети и старики выходили из дверей посмотреть на епископа, как на солнце. Он благословлял, и его благословляли. Всем, кто в чем-нибудь нуждался, указывали на его дом.

То тут, то там епископ останавливался, разговаривал с маленькими мальчиками и девочками и улыбался матерям. Когда у него были деньги, он навещал бедных, когда денег не было — богатых.

Он изнашивал свои подряски до полной ветхости. Не желая, чтобы люди об этом знали, он выходил в город не иначе как в теплой фиолетовой рясе. Летом это было довольно затруднительно.

По возвращении с прогулки епископ обедал. Обед был похож на завтрак.

Вечером, в половине девятого, он ужинал вместе с сестрой; мадам Маглуар прислуживала им. Эта трапеза была также очень проста. Только тогда, когда у епископа ужинал

кто-нибудь из священников, мадам Маглуар, пользуясь случаем, угощала преосвященного какой-нибудь вкусной озерной рыбой или горной дичью. Каждый гость являлся предлогом для хорошего ужина, и епископ мирился с этим. Обыкновенно же его еда состояла из овощей, отваренных в воде, и из супа на растительном масле.

После ужина он с полчаса разговаривал с мадемуазель Баттистиной и старушкой Маглуар; потом уходил к себе и садился писать — то на отдельных листах, то на полях какой-нибудь книги. Он был хорошо образован.

Около девяти часов вечера обе женщины уходили к себе наверх, и епископ до утра оставался один в нижнем этаже.

Здесь нам необходимо подробно описать расположение дома, в котором жил диньский епископ.

6. КТО СТЕРЕЖЕТ ДОМ ЕПИСКОПА

Дом, в котором он жил, как мы уже говорили, был мал и низок: три комнаты внизу, три в верхнем этаже и чердак. Позади дома расположился сад в четверть десятины. Обе женщины помещались в верхнем этаже. Епископ жил внизу. Первая комната, дверь которой выходила на улицу, служила столовой, вторая — спальней, третья — молельной. Комнаты, за исключением молельни, были проходными: попасть в спальню можно было только через столовую, а в молельню — через спальню. В молельне был отгорожен альков, там стояла кровать для гостей. Епископ оставлял эту кровать для деревенских священников, приезжавших по делам и нуждам своих приходов в город Динь.

Кухню переделали из больницы аптеки — маленькой пристройки, выходящей в сад.

В саду же появился хлев, переделанный из прежней больницы кухни; в нем помещались две коровы епископа. Какое бы количество молока ни давали коровы, епископ ежедневно половину отсылал больным. «Я плачу десятину», — говорил он.

Комната епископа была довольно велика, и в холодную погоду ее нелегко было натопить. Так как дрова в Дине были очень дороги, то он придумал отделить для себя дощатой перегородкой комнатку в коровнике. Здесь он проводил ве-

чера в сильные холода. Эту комнату он называл своей «зимней гостиной».

Как в «зимней гостиной», так и в столовой вся мебель состояла из некрашеного четырехугольного деревянного стола и четырех соломенных стульев. В столовой, кроме того, имелся еще старый, выкрашенный розовой краской буфет.

В молельне стояли два соломенных стула, а в спальне — одно соломенное кресло. Когда к епископу приезжали в гости несколько человек, префект или генерал, офицеры гарнизона или ученики семинарии, то приходилось приносить стулья из «зимней гостиной», из молельни и кресло из спальни. Таким образом удавалось набрать до одиннадцати сидений. Для каждого нового гостя освобождалась какая-нибудь комната.

Иногда гостей собиралось человек двенадцать. Тогда епископ, чтобы не создавать неловкости, становился у камина, если это было зимой, или предлагал пройтись по саду, если это случалось летом.

Правда, был еще один стул в алькове, но всего о трех ножках, да и солома наполовину истрепалась, так что он мог служить, только прислоненный к стене. В комнате мадемуазель Баттистины была, правда, еще большая кушетка, когда-то позолоченная и обитая цветистой китайской тафтой, но ее можно было пронести только через окно: лестница была слишком узка; следовательно, кушетка не могла идти в счет запасной мебели.

Заветной мечтой мадемуазель Баттистины было приобрести гостиную мебель из красного дерева, обтянутую желтым утрехтским бархатом, с резными изогнутыми ручками, но все это стоило по меньшей мере пятьсот франков, а она смогла за пять лет отложить на этот предмет только сорок два франка и десять су. Мадемуазель Баттистина бросила свою мечту.

Нет ничего легче, чем представить себе спальню епископа. Балконная дверь, выходящая в сад; у стены напротив железная больничная койка с зеленым саржевым пологом; подле кровати, за занавеской, туалетные принадлежности, некоторой изысканностью изобличающие привычки бывшего светского человека; две двери: одна возле камина, ведущая в молельню, другая у библиотечного шкафа, ведущая в столовую; библиотека — большой шкаф со стеклянными

дверцами, набитый книгами; деревянный камин, выкрашенный под мрамор, над камином стертая медная посеребренная распятие на черном полинялом бархате, в деревянной, со стертой позолотой, рамке. У балконной двери большой стол, на нем чернильница, кипы бумаг и толстые книги. Перед столом соломенное кресло. У кровати аналой, принесенный из молельни.

Все комнаты, как верхние, так и нижние, были оштукатурены и выбелены, как это принято в казармах и больницах.

Полы были красные, кирпичные, их мыли каждую неделю. У каждой кровати лежало по соломенному половику. Нужно прибавить, что обе женщины содержали весь дом в образцовой чистоте. Это была единственная роскошь, которую допускал епископ. «Это ничего не отнимает у бедных», — говорил он.

От всего прежнего богатства у епископа остались только шесть серебряных столовых приборов и разливательная ложка. Мадам Маглуар ежедневно любовалась блеском этих вещей, разложенных на белоснежной скатерти обеденного стола, и так как мы описываем епископа города Диня таким, каким он был на самом деле, то должны прибавить, что он часто говорил: «Мне трудно было бы есть иначе, чем серебряной ложкой и вилок».

Кроме этого серебра, у него были еще два больших массивных серебряных подсвечника, доставшиеся ему по наследству от двоюродной бабки. Эти подсвечники с восковыми свечами стояли обыкновенно на камине в комнате епископа. Когда к обеду бывали гости, мадам Маглуар зажигала свечи и ставила подсвечники на стол.

У изголовья кровати епископа был маленький стеной шкафчик, в который мадам Маглуар каждый вечер убирала эти шесть серебряных приборов и суповую ложку. Надо заметить, что ключ в этом шкафчике никогда не вынимался из замка.

Сад, несколько испорченный некрасивыми постройками, упомянутыми нами выше, состоял из четырех аллей, переkreщивавшихся у колодца; пятая аллея обегала вокруг всего сада и шла вдоль белой ограды, которой он был обнесен. Между аллеями были четыре грядки, обсаженные буксом. На трех из них мадам Маглуар разводила овощи, на четвертой епископ посадил цветы. В саду росли и плодовые деревья.

Гюго В.

Г 99 Отверженные : роман / Виктор Гюго ; пер. с фр. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 704 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-06787-5

Роман-эпопея Виктора Гюго «Отверженные» (1862) — огромный текст, без которого невозможно представить себе духовную историю XIX века. В сущности, это «война и мир» великого французского классика, только здесь находит отражение не противостояние вражеских армий, но война, которую ведут между собой добро и зло в человеческой душе и в обществе. При создании «Отверженных» автора, по его словам, прежде всего волновали три темы: «угнетение мужчины... падение женщины по причине голода, увядание ребенка вследствие мрака невежества», что отразилось в историях главных действующих лиц: каторжника Жана Вальжана, Фантины и Козетты. Фантастически закрученная авантюрная фабула заставляет следить с неотрывным вниманием за событиями, которые разворачиваются на улицах старого Парижа, в трущобах и на баррикадах. Не случайно в XX веке насчитываются десятки экранизаций «Отверженных» — от немой ленты «На баррикадах» (1907) до последнего фильма Тома Хупера.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ВИКТОР ГЮГО
ОТВЕРЖЕННЫЕ

Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Наталья Витько, Станислава Кучепатова,
Валентина Гончар, Елена Орлова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Подписано в печать 19.12.2022. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 37,18.
Заказ № .

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в АО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.azbooka.ru
Тел.: (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AMC-14768-15-R